

Ольга Тарлькова,

*старший научный сотрудник
Областного историко-краеведческого музея*

Он громко славил жизнь и торопился жить...

*(К 120-летию писателя,
этнографа
А.Е.Новоселова)*

Говорят, он предчувствовал смерть, он шел ей навстречу. Это случилось 23 сентября 1918 года в Загородной роще Омска. Александра Ефремовича Новоселова, писателя, ученого-этнографа, политического деятеля, убили выстрелом в спину, а накануне он строил совсем не военные планы: жить, писать и писать. «Как я устал, — говорил он, когда я с болью смотрела на его поседевшую голову, — вспоминала вдова Галина Петровна, — как я устал... Ведь я купил себе право на отдых. Я уйду от политики совсем. Выполню возложенное на меня поручение, выйду в отставку и буду писать. Ах, как много у меня накопилось. Я задумал романы: «Град Китеж», «Сиреневые занавески», «Чаруса». Как хочется писать. Только скорей, скорей кончить все». Ему не удалось это. Не успевши даже рассмотреть хорошенько детей, один из которых родился во время его отсутствия, — он ушел в новый, уже бесконечный путь».

Что же нам известно о трагической судьбе писателя Александра Ефремовича Новоселова, запечатлевшего наш край в своих замечательных этнографических очерках и художественных произведениях? К сожалению, немного. Как и другие талантливые писатели начала XX столетия, он казнен забвением. Было бы неправдой сказать, что о нем заговорили сегодня в той мере, какую писатель заслуживает. В биографии Новоселова по сей день достаточно тайн

и «белых пятен», и существовать они будут еще долго по ряду причин. И не только потому, что он прожил короткую в 34 года жизнь, а его архив не уцелел в блокадном Ленинграде, но и по причине его принадлежности к областническому сибирскому движению. Поэтому материалы о нем весьма неохотно публиковались в советской печати. Об этом свидетельствуют письма известного восточно-казахстанского писателя-краеведа Станислава Евгеньевича Черных, что хранятся в фондах историко-краеведческого музея г. Усть-Каменогорска. В письме к литературному критику Н.Н. Яновскому в Новосибирск читаем: «А.Е.Новоселовым я не занимался около 5 лет, а может быть, и более, так как в Алма-Ате к нему относятся настороженно после издания его произведений А.Т. Изотовым. Андрей Трофимович, видимо, Вам об этом рассказывал. Когда я хотел включить очерк об Александре Ефремовиче в свою книгу, то в издательстве дружно замахали руками, категорически стали возражать, указывая перстами в сторону ЦК».

В письме в Ленинград С.М. Бабинцеву Черных сообщает: «Мне отказали в «Сибирских огнях» в публикации 3-х материалов: об Аюове, Пермитине, Новоселове. Хотя материалы о Новоселове помогал пристроить Н.Н. Яновский».

Таким образом, творческое наследие А. Новоселова на долгие годы оказалось в забвении. А между тем в начале XX века А. Новоселов был широко известен в писательских кругах России. Его очерки и рассказы ценил и печатал М. Горький. А сибирский писатель Ф.А. Березовский в 1922 году писал: «Новоселов был столь крупной фигурой, что будущий историк сибирской литературы и общественного движения Сибири не может обойти его имя». Вспомним о Новоселове и мы накануне его юбилея. Возможно, читателю будут интересны некоторые факты из его творческой биографии, обнаруженные в музеях и архивах Омска, Павлодара, Барнаула, Усть-Каменогорска, Шемонаихи.

Истоки

Родился А.Е. Новоселов 5 (17) ноября 1884 года в станице Железинской близ Павлодара. Жизнь поселку дала Железинская крепость, построенная в 1718 году известным строителем прииртышских крепостей Прокопием Ступиним. Кстати сказать, Ступин возводил и Усть-Каменогорскую крепость, только двумя годами позже. Железинка, так называется поселок теперь, по сей день хранит следы рва и вала, окружавших когда-то крепость.

Будущий писатель был первенцем в семье хорунжего сибирского казачьего полка Ефрема Новоселова и совсем юной 16-летней женщины, имя которой нам, к сожалению, по сей день неизвестно. По воспоминаниям Галины Петровны Новоселовой, вдовы писателя, мать Александра Ефремовича была необыкновенной личностью: «Не получившая никакого образования, она тем не менее всегда отличалась ясным взглядом на вещи, железной настойчивостью в достижении цели и острой любознательностью. Вся жизнь ее была посвящена детям, которых она любила с болезненной страстью».

По рассказам матери, Саша рос «замкнутым, молчаливым ребенком. По целым часам он мог сидеть где-нибудь в темном углу, и на вопрос матери: «Что ты делаешь?» — неизменно отвечал: «Думаю».

Омский кадетский корпус

В 11 лет, самостоятельно подготовившись, Саша Новоселов поступает в пансион казачьего войска, а год спустя, 13 сентября 1896 г.

он зачислен в Омский кадетский корпус – лучшее учебное заведение Сибири, дававшее отличные и разносторонние знания. В аттестационной тетради Новоселова офицер-воспитатель штабс-капитан Ломшаков после года обучения записал: «Умственно развит достаточно, способности довольно удовлетворительные, внимателен, прилежен, заботлив. Физически развит хорошо, телосложения крепкого, тихий, скромный, приветливый, опрятен и бережлив, в шалостях сдержан, к требованиям и порядкам заведения относится внимательно. Со старшими вежлив и почтителен. Классы посещает исправно». Позднее Ломшаков приписал: «Весьма трудолюбив, довольно аккуратен, товарищами любим».

В силу своей замкнутости в кадетском корпусе мальчик не обрел особенно близких друзей. «да, кажется, их не было у него и впоследствии. Он не умел делить чувства и отдавал всю нежность, все доверие и откровенность тому, кого любил», – вспоминала вдова. Саша был очень привязан к матери. Она же тосковала о своем первенце, и отец, чтобы успокоить жену и остановить бесконечные горькие слезы, ехал в Омск на лошадях 300 верст, чтобы привезти сына на Рождество или Пасху.

Первые литературные опыты – стихотворения в прозе – Новоселов начал писать совсем юным. Они повествовали «о жизненной борьбе, о море пошлости, грозящей захлестнуть каждого... Они... не увидели света, потому что, по свидетельству вдовы, автор, показавши их самым близким друзьям, уничтожил».

Кадет Новоселов страстно увлекается литературой. Благодаря богатейшей библиотеке кадетского корпуса, он знакомится с классикой, зачитывается трудами ученых-путешественников по истории, этнографии, географии, сближается с прогрессивной молодежью Омска и вскоре входит в Омский литературный кружок. Постепенно литературные интересы берут верх, и вот он уже автор первого опубликованного рассказа «Катюка», появившегося в Омской газете «Степной край» в 1903 году.

Возможно поэтому, Новоселов круто меняет свою судьбу и перед выпускными экзаменами, несмотря на блестящие успехи, в 1904 году оставляет кадетский корпус и возвращается домой. В Железинской он много читает, охотится и готовится к экзаменам в Омскую учительскую семинарию. «Я часто получала его письмо, написанное на обрывке бумаги карандашом и, казалось, еще сохранившее запах сена, в котором лежал автор», – вспоминала Галина Новоселова.

Учитель

В 1905 году Новоселов экстерном сдает экзамены за учительскую семинарию и едет в казачью школу поселка Надеждинского близ Петропавловска. В начале ноября того же года он венчается с Галиной Петровной, ему едва исполнился 21 год.

Это был период революционных событий в России. Прогрессивно настроенный учитель делает попытки заняться просветительской работой в темной и невежественной среде казаков. Он объявляет учащимся о «воскресных чтениях» для родителей и немало удивлен неожиданным результатом. В школу стали являться бабы с приношениями, желая откупиться от учителя маслом, сметаной, курами, гусями. «Уж ты возьми, батюшка, только на завтра-то ослобони, некогда мне приходить. – С грустью пришлось констатировать, что чтение является не удовольствием, а обузой, я прекратил их», – вспоминает Галина Новоселова.

«Завтра я еду! На Алтай!»

Вскоре неброская природа «горькой линии» и жажда путешествий заставили учителя просить о переводе на Алтай. Его направляют в поселок Большенарымский. Именно здесь, в нашем крае, он и состоялся как писатель и ученый-этнограф.

«Там, — писала Галина Новоселова, — он научился любить горы, их дикую красоту и мощь, их дивный воздух и роскошную растительность». Теперь его детские мечты о путешествиях в горы преомились в реальность. И вот он на «большом и уютном пароходе нового типа» отправляется из Омска к месту назначения. Подплывая к Семипалатинску, Новоселов впервые увидел горы. О встрече с ними будущий писатель мечтал давно. Еще в юности он зачитывался описанием их путешественниками и подолгу изучал их на картинах, «внимательно рассматривая все мельчайшие подробности: каждый камень, каждую трещину, зажмуривая глаза и стараясь представить их себе настоящими, живыми во всем их величии; мысленно выбирался на голые вершины и окидывал взором окружающий мир, создавая чудные картины». Но то, что он увидит на Алтае, превзойдет все его ожидания. Пока же это всего лишь «Семипалатинские холмы», лежащие верстах в 70 к западу от Иртыша. «А к вечеру первого дня, — пишет Новоселов, — на горизонте уже грозно синели первые вершины Алтая, и утром я проснулся в Усть-Каменогорске».

Усть-Каменогорск показался ему чистеньким и уютным городком, который пока мало тронула цивилизация. Так что после Омска, Павлодара и Семипалатинска он готов был принять его за большое дачное местечко. «Нельзя выдумать более удачного названия этого города, так как он действительно расположен при начале отрогов главного хребта и с трех сторон окружен горами, как стеной», — делится Новоселов впечатлениями от путешествия в цикле очерков «Лицо моей Родины», напоминавших дневниковые записи, запечатлевшие увиденное и пережитое.

«Так вот они какие — горы!»

Дальше к месту назначения Новоселов следовал на земских лошадях. Дорога то петляла ущельями, стиснутыми отвесными скалами, то взбиралась на пьянящую высоту, то внезапно срывалась с кручи вниз, и, казалось, что беснечный возница не успеет воспользоваться «услугами тормоза». Вот дорога внезапно оборвалась, прегражденная бурной рекой. Преодолев ее на пароме, он уже мчится «по живописному карнизу, огороженному со стороны пропасти ненадежными столбиками». При взгляде вниз кружит голову высота, и кажется, что испуганные лошади ринутся на прогнившую загородку и полетит экипаж на вершины стройных пихт. Горы пленяют, чаруют своей красотой, и уж на «дне души, рождаются чудные мотивы: то величаво-торжественные, то страстно-буйные, то неслышные, нежные и идут по струнам сердца, опьяняют и туманят голову».

«Мне все хотелось остановиться и потрогать эти дикие серые камни руками, и когда я вышел из тележки, чтобы отдохнуть, я не верил, что стою среди настоящего ущелья. — Так вот они какие, горы! Мне хотелось молиться этому величию, этой неподдельной красоте, — таково было мое настроение, — да, мне именно хотелось молиться».

«Заели, прямо заели!»

На пути в Большенарым учителю встречаются живописные поселки: Ульбинский, Феклистовка, Северное, Александровка, Бухтарминский, Черемшанский, Малокрасноярский. Писатель знакомит нас с жизненным укладом, бытом, нравами их обитателей. В Феклистовке, например, Новоселов пробыл не более часа, «что случается на земских станциях довольно редко. Обыкновенно учителю или «учителке», едущим по бесплатному бланку, лошади выдаются после долгих препирательств, почесываний, предложений переночевать и, вообще, что называется, с трудом. Единственный способ ускорить проезд — это исправная выдача «на водку», но казачьему учителю подобный способ совершенно недоступен».

В поселке Северном же Новоселов «отсидел сразу за несколько станций», поскольку содержатель станции загулял на свадьбе, и лишь следующим утром учитель тронулся в путь.

Дорога по Пихтовому ущелью, замкнутому почти отвесными скалами, изумляла его «дикой первозданной грациозностью». После настойчивых требований и ругани в Александровке учителю, наконец, удалось получить лошадей и добраться до поселка Березовского, которое произвело на Новоселова жалкое впечатление «своей грязью»: «Окружающие его сопки, утопанные скотом, непривлекательные, голые, похожие на стены тюрьмы». На станции Бухтарминской учителя встретили, мягко говоря, недоброжелательно. «Кто это? — спрашивает хозяин ямщика. — Учитель. — Заели, заели, прямо заели... понерло их теперь. Как осень, так и пошли кататься... Меня бы атаманом отдела, я бы их присадил... Куда это? Пристяжку?! Долой! Не нужно. На одной докатит. Нету у меня лошадей».

Миновав Вороний, Черемшанку и Красноярку, Новоселов продолжал путь вдоль Нарымского хребта до поселка Большенарымского.

Нарымский хребет показался учителю «грозной неизвестной стеной», поражая своей мощью: «...и чем ближе к нему, тем выше и массивней вырастает он бесконечной грядой». Скоро показался Большенарымский.

«В неприглядной обстановке»

Поселок раскинулся в Нарымской долине, окруженной горами. На берегу «узенькой, но горной речки», на голом сланцевом холме, рядом с церковью учителя ожидала школа: типично казачья, поражающая своей неухоженностью и бедностью. Малопригодное помещение под класс, его обстановка, учебный инвентарь — «все везд: тесно, неудобно, бедно, как будто все это существует незаконно и стыдится своего безотрадного бытия. А поселок один из богатейших в уезде, народ все солидный, домовитый, лесу много, но на школу, должно быть, «еще не насадили», как сострил один станичник».

Посему ясно, как казачество «заботилось» о просвещении детей, и на замечание учителя о непригодности «какого-то амбара под училище «старик» недоуменно пожимали плечами и даже сердились. «Помилуйте, с потолка не каплет, сидеть на чем имеется, а остальное не больше как роскошь, и средств на эту роскошь нет. Вот если войско от себя приложит, тогда другое дело». Войско «сгоряча» принялось было хлопотать о сборе данных по нуждам школы, но через месяц о школе уже забыли.

В самой неприглядной обстановке потянулись серые и однообразные дни учителя. Детей было около сотни и справиться с такой «оравой не

представлялось физически возможным». Так прошла зима, а весной с приходом традиционных «пельменников» Новоселову «посчастливилось» поближе познакомиться с местной «интеллигенцией».

«Пельменники»

Остросатирические страницы очерка «Первые в деревне» рисуют нам «деревенскую публику», до удивления погрязшую в мелочных дразгах и попойках. Показательны в этом смысле описанные Новоселовым «пельменники».

«Пельменники», — иронизирует Новоселов, — это просто беспрерывный «вышивон», который открывается застольем у начальника почтового отделения. Доминирующее положение на закусочном форту занимает красной графин, под пробку заполненный водкой, а вокруг него, как около командующего, толпится штаб: рябиновая эссенция, смородиновая на водке и еще несколько — «все для дома». Так во всем сибирском войске». На «пельменниках» обсуждаются новости настолько «казусные», — замечает автор, — причем в подобном разговоре участвует не только женская половина. Критический взгляд писателя «выхватывает» в компании агента фирмы «Зингер», — сухонького человечка, пившего при удобном и неудобном случаях. По приезде в поселок он «почему-то заявил себя ярим антиалкоголиком и крепился с месяц, пока с голодухи и, к великолепному восторгу всей публики, не напился через край».

Подмочивши репутацию, Андрей Андреич уже не стеснялся, и, вот уже «бессмысленно икающий», он безмятежно развалился на диване, но к нему никто не подходит близко, так как знают, что в таком состоянии Андрей Андреич имел привычку прицелиться к чьей-либо ноге и тянуть подвернувшуюся жертву к себе с самым серьезным видом...

А «пельменники» продолжают. «Перепели все, что знали, переиграли в почту, в дурачки, в лото». Трудно представить в этой «честной компании» интеллигентного, серьезного учителя, черпающего, впрочем, в подобных сборищах благодатный материал для своих произведений. Конечно же, он не вписывался в это общество. По воспоминаниям современников, Новоселов был сдержан, проницателен, с чувством собственного достоинства.

Взгляните на снимок. Он всем своим видом притягивает к себе внимание. Ф. Березовский вспоминает о первой встрече с Новоселовым: был он «немного выше среднего роста, стройный, в темном изящном костюме, в белоснежной крахмальной со-

А.Е. Новоселов (сидит вторым справа) в кругу сибирских писателей

рочке, а движения медленные, несколько угловатые и лицо жителя сибирских просторов: сухое, чуть-чуть продолговатое с еле пробивающейся светло-русой растительностью; резко очерчены скулы и голубые глаза — напоминающие азиатскую кровь; широкий и открытый лоб, но тоже какой-то особо вырубленный — сибирский; широкий подбородок и тонкие губы; в глазах светится пыт-

ливый ум и еле сдержанный юмор, который в разговоре нет-нет да и прорвется. Говорит медленно, но твердым и сочным баском, а тонкие губы со складкой настойчивости и упрямства часто кривятся в улыбку, которую он старательно сдерживает».

А еще, по воспоминаниям современников, он умел заразительно смеяться до слез, был жизнелюбивым и остроумным. Прочтите рассказ «Весной» (Апрельскую мозаику). Там есть поразительные жизнеутверждающие строки: «В душе радостно, легко и свободно. Я люблю сейчас весь мир — по-весеннему затянутое дымкой небо, прошлогоднюю увядшую траву, влажный терпкий воздух, бьющий в голову, как крепкое вино, — я люблю торжественно встающую от сна природу и тону душой в ее беззвучной песне. Все поет — и небо и земля до последней былинки — все поет и хвалит жизнь».

Но до весны еще далеко. Молодой учитель только-только освоился в новой школе, проходят день за днем, принося тревоги и разочарования: «одни и те же лица, разговоры, мысли». Скоро подошли рождественские праздники.

«Елка»

Школьная елка в Большенарыме доставила ему немало хлопот и огорчений. Двенадцать рублей, что удалось учителю выхлопотать на покупку сладостей для детей и украшений для елки, предназначались, как оказалось, и для угощения родителей. Попечитель дивился опрометчивости учителя, потратившего все деньги на ребят: «Ведь не напиваться и не наедаться придут они, а так, по рюмочке опрокинуть». Таков порядок, заведенный в поселке. Но детская елка была безнадежно испорчена пьяным дебошем «золотой» молодежи. Не помогли и несколько молодых казаков с пашками через плечо, направленных атаманом, к удивлению учителя, для охраны порядка «от подлого народа».

Во время концерта дети награждались не только аплодисментами, но и замечаниями с мест, как то: «Васька, подтяни, сонляк, штаны-то!» Под дружный хохот зрителей артист конфузился до слез...».

А в зал все прибывала молодежь, было шумно, атаман то и дело подскакивал, делая замечания привратнику. И когда тишину «резунул» пронзительный визг девицы, «ущемленной за непоказанное место», старики не выдержали: «Кто их, срамников, напускал туда? — уйми, атаман». Скоро с силой хлопнула ставня и раздался стук разбитого стекла, а в окне рядом показалось несколько прижатых к стеклу носов, похожих на свиные рыла. И вот удачно кинутый снежок разбился о напوماженную голову атамани, чем и завершился «дело». Вечер был безнадежно испорчен. «Не нужно искать во всех этих безобразиях признаков демонстрации тех или иных чувств, ни даже серьезного злого умысла. Хамство не имеет почвы, иначе это уже не будет хамство», — сокрушенно заключает писатель.

«Лицо его Родины»

Таким виделось порой Новоселову лицо его Родины. Оно рисовалось ему и убогим бытом переселенцев из «Расей лапотной», и «полянкой» с частушками, раздольными песнями, остроумными шутками, но и, к сожалению, отборной бранью деревенской молодежи.

«Лицо его Родины» — это и «кочевник, силой обстоятельств выброшенный из родной глухой степи на городскую набережную», и пахарь, надрывающийся на пашне до седьмого пота. Это и господа офицеры, и сельский учитель, и послушница Аннушка, готовая на подвиг самоотречения во имя веры, и чинные станичники, «что угрюмо собираются на атаманской завалинке». В «Лице его Роди-

ны» мы видим старую Карип, убивающуюся по умершему мужу, и степь с ее обитателями, — открытыми душой, беспечными киргизами, и русского старика, приехавшего на чужие земли с мешком земли, дабы, когда умрет, присыпали его землицей с Родины.

Новоселов знал и уважал быт и традиции русского крестьянства, и казачества, и степняков. Не одну ночь он «провел по юртам и степным зимовкам...» но никогда не покидал гостеприимный очаг с чувством пренебрежения к своеобразному быту степняка. Напротив, он способен рассмотреть в простых людях «кристальную чистоту цельной человеческой души», которую «утеряло цивилизованное общество». Среди них «отдыхаешь душой, будто на время с тебя спадают невидимые цепи».

Обширные знания культуры разных народов помогут ему создать правдивые полотна народной жизни, объединенные названием «Лицо моей Родины». В них прогрессивно настроенный писатель не мог пройти мимо событий, лихорадивших Сибирь в связи с переселенческой политикой. Бедственное положение переселенцев, вынужденных оставить родные места, выживающих в столкновениях с местным населением из-за покосов и земельных угодий, разорение и обнищание казахов, вытесняемых с насиженных мест, — все будет в поле зрения писателя-демократа.

А пока учитель Новоселов пишет небольшие очерки и статьи, публикуя их в семипалатинских газетах. В Большенарыме Новоселовы прожили год. «Все та же страсть к движению, стремление к лучшему, новому знанию увлекла А[лександра] Е[фремовича] с Алтая и в 1907 году, — вспоминала Галина Новоселова, — он поступает воспитателем в Омский войсковой пансион казачьего войска, где и служит одиннадцать лет». Но Алтай навсегда покорило его сердце, и сюда в разные годы он будет возвращаться.

Снова Омск

В Омске Новоселов много печатается в сибирских газетах и журналах под псевдонимом А. Невесов, сближается с писателями: Ф. Березовским, А. Сорокиным, А. Ершовым, Н. Феоктистовым. Появляется «чисто семейный» литературный кружок, существовавший до 1916 года. Молодые писатели собирались почти еженедельно, читали свои произведения, обсуждали новую литературу, спорили. А когда к ним заходил кто-нибудь из партийных товарищей и обсуждались политические вопросы, Новоселов не принимал в них участие. После говорил Березовскому, проницательно улыбаясь: «И хочется Вам, Алексеич, чепухой заниматься? Ведь ерунда все это... Зря вечер пропал...». Скоро литературный кружок начал выпускать при редакции газеты В.М. Крутовского небольшой журналчик, где Новоселов опубликовал рассказ «На пасеке» (1909), обративший на себя внимание творческой интеллигенции. На затерянной в устье мрачного ущелья пасеке живет Даниловна с прелестной, полной жизни внучкой Настей. «Девку-огонь» сватает ненавистный ей рыжий и толстый вдовец Евсей, владелец «маральника в сто голов». Но приехавший на пасеку молодой учитель покоряет сердце таежной красавицы и развеивает надежды Евсея. Этот рассказ, как и последующие, напоминал Ф. Березовскому купринские рассказы: «При чтении чувствуется непобедимая сила торжествующей жизни, терпкий запах смолистых кедров и аромата сотового меда».

«Чертова яма»

Весной 1910 года Новоселов, Ершов, Березовский и несколько партийных товарищей переехали жить на дачу в местечко, называемое «Чертовой ямой», что в 8 верстах на юг от Омска. «По вечерам после захода

солнца в нашей «Нахаловке» ... стоял невообразимый шум, — вспоминал Ф. Березовский. — Сюда, почти со всего дачного поселка, собиралась детвора и подростки. Разводился... костер, пелись хоровые песни, рассказывались сказки и веселые анекдоты; шла непрерывная детская возня... А[лександр] Е[фремович] и здесь умел приковать к себе внимание. Обычно он начинал рассказывать какую-нибудь серьезную историю и кончал опять таким финалом, от которого над «Нахаловкой» долго стоял непрерывный хохот взрослых и детей. Причем дети начинали после этого упрашивать его прыгнуть через костер. Улыбаясь, Александр Ефремович отмахивался от наседавшей детворы... А потом вдруг неожиданно вырывался из тьмы и, как мяч, летел через высокое пламя. Воздух оглашался восторженным ревом детворы...».

В этот период Новоселов пишет зарисовки и очерки, объединенные заглавиями: «Степные картинки», «Алтайские этюды», «Дорожный кинемо», пишет рассказы: «Легкая жизнь» (1909), «Экзамен» (1910), «В юрте» (1909) и публикует их преимущественно в «Омском вестнике», а также в «Сибирских вопросах». Позднее рассказы и очерки составят книгу «Лицо моей Родины», которую Новоселов не увидит напечатанной при жизни.

Судьба книги трагична. О ее существовании известно из воспоминаний Г.П. Новоселовой (1919), да по публикации отрывков в «Сибирских огнях» (1923, 1924). Во вступительном слове к публикации написано: «Под таким заглавием покойный А.Новоселов, самый яркий из беллетристов Сибири предреволюционного периода, подготавливал книгу для отдельного издания. Но мечте писателя не суждено было сбыться. Пуля бездушной колчаковской военины оборвала его жизнь в расцвете сил. Новоселов убит 34 лет. Книга-рукопись — осталась в папке покойного писателя».

Путь к читателю

Книгу «Лицо моей Родины» Новоселов пытался издать при жизни. В 1915 году она попала к М.Горькому, который надеялся выпустить ее в издательстве «Парус», но события 1917 года помешали, так как журнал «Летопись» и издательство «Парус» прекратили существование. По свидетельству Г. Вяткина, М. Горький высоко оценил рукопись: «Один из ваших сибиряков назвал свой очерк «Лицо моей Родины». Хорошо. Лучше не придумаешь. А многие ли знают лицо своей Родины? Я встречал таких интеллигентов, которые, право, больше знали Китай, чем Россию. А уж в отношении окраины и малых народностей мы совсем невежественны». Потом папка с книгой-рукописью, по свидетельству Н.Н. Яновского, хранилась у сибирского писателя К. Урманова, затем у вдовы Новоселова и позднее у дочери, Галины Александровны. Но 35 страниц книги из 182-х все-таки были утеряны, и лишь более полувека спустя отдельные очерки из цикла «Лицо моей Родины» вошли в книгу «Беловодье», выпущенную в Алма-Ате в 1960 году стараниями писателя-краеведа А. Изотова. В полном же существующем варианте весь цикл очерков «Лицо моей Родины» вошел в очередной сборник под тем же названием «Беловодье» в Иркутске в 1981 году под руководством Н.Н. Яновского. Впрочем, столь трудный путь Новоселова к читателю не окончен. Книги вышли мизерными тиражами и по сей день являются библиографической редкостью.

«По-настоящему живу только летом...»

Но это будет после, а пока... Десятые годы. А.Новоселов живет в Омске. Служба в пансионе оставляет лето свободным, и он мечтает о поездке на Алтай, теперь уже в качестве ученого-этнографа. «По-

настоящему живу только летом», — полушутя-полусерьезно говорил он Г. Вяткину, предвкушая на каникулах путешествие на Алтай.

В 1911 году Новоселов вступает в число действительных членов Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества и в 1912 году едет на Алтай в целях изучения истории, культуры и быта алтайских староверов, так как считал, что «эта редкая этнографическая группа» недалеко от потери своих типичных черт. «Многое способствовало сохранению этнографического типа «поляков» в той чистоте, когда едва ли может быть наблюдаемая в настоящее время где-либо еще... Все в жизни алтайского старообрядчества интересно и может дать благодарный материал для этнографа. Жилище, одежда, утварь — все это как бы перешагнуло через полтора-два века и является теперь классической иллюстрацией жизни старой Руси», — отмечал Новоселов.

С этого времени Новоселов является «правителем дел музея географического общества», фонды которого немало пополнил благодаря поездкам на Алтай. Из путешествий по Алтаю (1912, 1913, 1914 гг.) исследователь «возвращался в город с папками разных материалов: собирал и записывал песни, сказки, бытовые наблюдения. Ящики его письменного стола были всегда полны этнографическим и литературным сырьем», — вспоминал Г. Вяткин.

Итак, в 1912 году Новоселов приезжает в наш край. Дальнейшее промедление с изучением жизни и быта староверов, по его мнению, может нанести огромный урон для науки, так как «ни косность, ни обособленность не выдерживают натиска культуры. Вообще... недалеко время, — полагал он, — когда алтайский старообрядец, если и будет совсем обесценен для исследователя, то, во всяком случае, и не будет так интересен, как теперь».

В начале июня 1912 года пароходом из Омска Новоселов добрался до станицы Убинской, далее на лошадях выехал по направлению к Шемонаихе. Отсюда путь его лежал в Выдриху, Верх-Убу (Юсиху), Секисовку, Быструху, Малоубинку.

В «Отчете о поездке на Алтай» он делится впечатлениями от путешествия. В Малоубинке, например, ему удалось побывать на богослужении федосеевцев: «Кажется, попал в катакомбы первых христиан. Шли века, развивалась жизнь, а тут каким-то волшебством все осталось в полной неприкосновенности».

В том же «Отчете» читаем о посещении им старообрядческой женской обители на Убе, основанной «поморскими черницами», где «монахини ведут отшельнический образ жизни, едят только растительную пищу и считают скотоводство тяжким грехом. Лекарств, разумеется, не принимают — лечатся одними молитвами...».

Впечатления от монастырской жизни были положены в основу повести «Мирская», опубликованной посмертно в журнале «Сибирский рассвет» в 1919 году.

За время путешествия Новоселов записал множество свадебных обрядов, погословных песен, загадок, заговоров, сделал массу снимков. А музей Русского Географического общества пополнился тридцатью этнографическими и двадцатью тремя археологическими предметами, множеством фотографий, зарисовок жилых строений, частушек. Кстати, по поводу песен и частушек... В «Отчете о поездке на Алтай» он сетует на вытеснение душевной русской песни «залихватскими бессмысленными частушками». «Этот род творчества завоевал уже солидное положение в старой деревне. Вместо русской песни гремит бессмысленный речитатив... Набивши карманы конфетками и пряниками, прихожу на «полянку» и, как только удастся приручить немного многочисленное общество, прошу спеть старинную песню. Мне поют распространенные стихи, романсы и солдатские песни. Наконец, когда догадываются, что нужно, захо-

чут и говорят: «Ах, это стариковские-то? Ну, их у нас только старухи и поют, да и те забывать стали».

О результатах путешествия на Алтай в ноябре 1912 года Новоселов читал доклад перед членами Русского Географического общества в Омске, который был опубликован в «Известиях Западно-Сибирского отдела РГО» под заглавием «У старообрядцев Алтая».

Целью этнографической поездки 1913-го года была «проверка весьма разноречивых данных по вопросу о времени и характере заселения долин рек Убы и Ульбы, а также для уяснения хода развития старообрядчества на Алтае», — писал Новоселов. Он посетил Зевакино, Шемонаиху, Екатеринку, Старо-Алейское, Каменку, Верх-Убу, Бобровку, Тарханку, Согру и Усть-Каменогорск. Вероятно, именно во время этого путешествия Новоселов с Г. Гребенниковым, братьями Зобниными, А. Белослюдовым посетили в Усть-Каменогорске политического ссыльного, ученого, краеведа Евгения Петровича Михаэлиса. Об этом читаем в дневниковых записях Елены Дмитриевны Панкратьевой: «Во время сбора таких компаний у них шли очень активные, шумные разговоры, споры. Собеседники так бурно спорили, громко говорили и кричали, что мать Хотимской — жены Михаэлиса — в шутку говорила дочери: «Ну, ей-богу, сейчас подерутся, так спорят».

Последнее путешествие на «Окраину Великой окраины» — Алтай, в верховья Бухтармы, Новоселов предпринял в 1914 году. Здесь он увидел «яркий пример скитничества» и изучал историю заселения русскими Бухтарминской долины, где наряду с беглецами — «бергалами, искавшими звериных уголков, — за «Камень» шли и ревнители старины». Именно сюда, за «Камень», тянулись вереницы людей, ищущих свободы. Скоро за Бухтарминским краем укрепилась репутация земли обетованной. Но по мере того как волна колонизации все с большей силой прилиwała к снежным алтайским хребтам, бухтарминский «Камень» терял ореол недоступности, и представление о Беловодье переносилось куда-то неопределенно южнее, а самый Камень уже играл роль сборного этапа беловодцев, роль отправного пункта их безумно смелых экспедиций», — свидетельствовал Новоселов в очерке «Умирающая старина» (1915).

Наблюдая бухтарминское население, исследователь сделал вывод, что «каменщики» в значительной степени отличались от староверов Убы и Ульбы. В религиозном отношении они представляют собой обособленную группу, не имеющую ничего общего со старообрядчеством убинским и ульбинским, и потому именно верхняя Бухтарма была воплощением «Беловодья». Из отчета Распорядительному комитету географического общества о результатах третьей поездки на Алтай видно, что он собрал множество материалов по истории «Беловодья» путем опроса немногих, оставшихся в живых «беловодцев». И именно здесь сформировалась главная тема его произведений — Беловодье.

Из этнографической поездки Новоселов вернулся с редкими экземплярами одежды «каменщиков»: рубах мужских и женских, поясов, опоясок, кафтанов; привез венчалное покрывало, детскую люльку, самодельные детские игрушки, пчеловодческий инвентарь. 14 ноября 1914 года Александр Ефремович прочитал доклад о результатах своего путешествия «Из быта алтайских старообрядцев», опубликованный в 1915 году в X выпуске «Записок Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества».

Последняя поездка вдохновила Новоселова написание лучших его произведений: «Жабья жизнь», «Саишкин марал» и наиболее значительной повести «Беловодье», напечатанной в журнале «Летопись» за 1917 год. Над повестью Новоселов работал почти два года. «Он писал немного, — вспоминал Г. Вяткин, — но старательно налегая не на количество, а на качество». В повести рассказывается о жизни алтайских старообрядцев, о поисках ими земли обетован-

ной – «Беловодья». «Как и все произведения Новоселова, – отмечал Ф. Березовский, – повесть написана широкими и сочными мазками, здесь Новоселов, как писатель, рисуется бытовиком огромной силы и огромного размаха». А Н. Яновский назвал «Беловодье» «произведением широкого дыхания».

Результатами трех плодотворных этнографических путешествий явились научные статьи, а также доклады и лекции, прочитанные Новоселовым в Омске, Усть-Каменогорске, Семипалатинске: «Из быта алтайских старообрядцев» (1914), «Старая Русь на Алтае» (1913), «Г. Потанин как этнограф» (1916), «Народная медицина у алтайских старообрядцев» (1916), «О жилище алтайских старообрядцев» (1917). Научные труды Александра Ефремовича Новоселова приобретают все большую ценность наряду с работами Г. Потанина, Г. Гребенщикова, М. Швецово́й, Б. Герасимова, А. Белолюдова и др. и широко используются в работе историков, географов, филологов, этнографов по сей день.

Накануне революции слава писателя и ученого Новоселова шагнула далеко за пределы региональной литературы. С чьей-то «легкой руки» его уже называют Сибирским Толстым, а произведения ценят сибирские писатели и М. Горький, который всячески его поддерживает и открывает дорогу в большую литературу. Литературный критик В. Анучин пророчит ему блеснуть «звездой первой величины на нашем небосклоне, если... если его целиком не поглотит революция».

К сожалению, так оно и случилось. «Каждому делу, – писала Г.П. Новоселова, – он отдавался с головой, и так же отдался политике». Зимой 1917 года Новоселов вступил в партию социал-революционеров, находя, что «программа этой партии наименее стесняет индивидуальный рост человека». Стремительно росла его карьера. К январю 1918 года он уже министр внутренних дел правительства автономной Сибири. Те, кто хорошо знал Новоселова, были в недоумении, что он увлекся политикой.

«Политическое честолюбие или огромный литературный талант?»

Ф. Березовский вспоминает, что политикой Новоселов не интересовался до 1916 года, когда он впервые стал проявлять интерес к идеям областничества. «Для меня было совершенно неожиданным, когда, приехав в июне 1917 года с кавказского фронта в Омск, я узнал, что Новоселов... занимает большой административно-политический пост в казачьем войске... По старой привычке я шутливо спросил:

– Ефремыч! Как вы попали чуть не в атаманы казачьего войска?

Новоселов ответил подчеркнуто серьезно:

– По выборам, Алексеич... ничего не поделаешь, выбрали! Выбрали! Вы знаете казаков...если предоставить самим себе – натворят! А за мной пойдут...

А я слушал его и в голове решал: что возьмет верх в этом незаурядном человеке – политическое честолюбие или огромный литературный талант? Несомненно было одно: милого, простого, до слез хохочущего Александра Ефремовича не стало...».

В январе 1918 года Сибирской областной думой создается правительство автономной Сибири и Новоселов, министр внутренних дел, по поручению думы отправляется на Украину для установления связей с Украинской радой, но в Киев попасть уже не смог. После разгона большевиками областного Учредительного собрания. Дербер, председатель Совета Министров Сибирского правительства, бежит на Дальний Восток. Сюда же, не выполнив миссии, в марте приезжает

Новоселов. А в июле-августе через Японию и Корею возвращается в Сибирь.

В сентябре 1918 года за несколько дней до страшной развязки Новоселов и поэт Г.А. Вяткин беседовали по душам. «Он только что вернулся из поездки на Дальний Восток, — вспоминал Вяткин, — выглядел очень утомленным и, помешивая ложечкой чай в стакане, говорил: — Устал я от политики... Да и какой я политик? Надо быть твердокаменным, а мне кажется: это не то, это не так... Массы от нас далеки, а на одной интеллигенции далеко не уедешь. Мне очень хочется написать роман о трагической беспощадности русской интеллигенции... Собственно говоря, пять глав уже написаны... есть и название: «Китеж — град невидимый». Вы понимаете — интеллигентская революционная романтика и ее крах перед действительностью...».

В Омске Новоселов прожил 3 дня. В ночь с 20 на 21 сентября его арестовали по распоряжению начальника Омского гарнизона, полковника Волкова.

Среди арестованных оказался В.М. Крутовский — член Сибирского правительства и бывший редактор журнала «Сибирские записки». «Новоселов все время был угрюм, подавлен и малоразговорчив, — свидетельствует Крутовский, — он пенял на себя, что так глупо попался в руки какой-то черносотенной банды, и, видимо, у него на душе было какое-то тяжелое предчувствие... Когда нас с Шатиловым под угрозой расстрела Семенченко и Нарбут заставили написать прошение об отставке, то Якушев и Новоселов стали упрекать нас в малодушии». Новоселов продолжал оставаться под арестом, но требовал немедленного перевода в тюрьму. 23 сентября за ним пришли два офицера, вероятно, Семенченко и Мефодьев, и под видом того, что его переводят в тюрьму, увезли в автомобиле по направлению к Загородной роще.

«Я возвращу вам все отнятое время, ребятки...»

Дальнейшее нам известно из рассказа сторожа загородных дач: Новоселов был убит в упор выстрелом в затылок. «Если хоть минута сознания разделила предательский выстрел сзади и его смерть, — писала вдова, — то я знаю, она была отдана страшной тоске за детей...». «Я думаю о судьбе детей, как о судьбе заброшенных сирот, к которым люди и жизнь отнесутся с особой безжалостностью...» — тревожился он в одном из последних писем домой. «Я возвращу вам все отнятое у вас время, ребятки», — обещал в другом. Увы, этому не суждено было сбыться...

На похороны Новоселова собралось огромное количество людей. Площадь вокруг казачьего собора, где отпевали покойного, была заполнена до отказа. «День был по-осеннему теплый. У гроба писателя, не стыдясь слез, плакали друзья и почитатели его таланта. Не верилось, что мы прощаемся с Александром Ефремовичем навсегда», — рассказывали старожилы Омска Станиславу Черных.

«Всегда приятно поставить последнюю точку», — читаем в авторском предисловии к книге «Лицо моей Родины». Но как трудно поставить мне ее сейчас! Книга окончена... В нашем же поиске материалов об ученом и писателе Александре Ефремовиче Новоселове мы уверенно ставим многоточие. Работа по восстановлению творческой биографии писателя продолжается.